

Содержание

ГОРОД СОЛНЦА

11

ГЕЛИОПОЛИС

113

ОСТРОВА БЛАГОСЛОВЕННЫХ

221

САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ

289

Благодарности

381

Посвящается Беккету

Женщины у реки. Поют. Это первое, что Крох помнит, хотя он тогда еще не родился. Не родился, но помнит вьющуюся через горы дорогу и привал среди желтых цветов, смыкавших лепестки, когда дети к ним прикасались. Уже в сумерках, миновав поворот, Караван вышел к зеленеющей реке и остановился на берегу на ночь. Стоял синий весенний вечер. Холодало.

Грузовики, автобусы и фургоны сгрудились на берегу в кольцо подобно спасающимся от ветра бизонам, в центре двухэтажный Розовый Дударь. На крыше Дударя Хэнди, их предводитель, прощается с солнцем уходящего дня. Вокруг лагеря носятся дети — голые, шершавые от гусиной кожи. Мужчины развели костер, настроили гитары, стряпают на ужин блинчики и овощное рагу. Женщины стирают в холодной реке одежду и постельное белье, лупят по камням мокрой тканью. В меркнувшем свете дня их тени вытягиваются от колен, а поток искрится пеной.

Мать Кроха, Ханна, разогнулась, как пленку, собрав с воды простыню. Ханна вся круглая: щеки, руки, ноги, золотой петлей косы. Джинсовый комбинезон плотно обтягивает живот, внутри которого клетка за клеткой наращивается Крох. На берегу его отец, Эйб, отвлекся от дела, чтобы поглядеть на Ханну, которая,

склонив голову набок, слушает, как поют женщины, и на губах ее играет улыбка.

Попозже, когда дым костра перебил запах еды и огонь, спасая от холода, запыхал всюду, пели еще, дребезжа голосами в той манере, что прославил Хэнди: “Ухажер-лягушонок”, “Майкл, к берегу гребни”, “Здравствуй, тьма, мой старый друг”. Призраками, витающими на самом краю зримого, сохло на кустах выстиранное белье.

Не может быть, чтобы Крох это все помнил: до его рождения оставались еще недели, до Аркадии — три года, из радио несся сплошняком 1968-й, вьетнамская Кхесань и Олимпиада в Гренобле, Караван в самом разгаре своего рывка через всю страну, синий вечер, костер и простыни-призраки на кустах. Однако он помнит. Воспоминание вцепилось в него, пересказываемое аркадцами снова и снова, пока не стало всеобщим, пока не пустило корни вовнутрь, взросло и стало его собственным. Ночь, костер, музыка, щитом от холода спина Эйба, Ханна приникла к поджариваемой груди мужа, и сам Крох свернулся калачиком внутри своих родителей, окутанный их счастьем, счастливым.

ГОРОД СОЛНЦА

Крох проснулся уже в движении. Сейчас февраль, еще темно. Ему пять лет. Отец застегивает молнию на своей куртке поверх Кроха, Крох внутри, там теплее всего, и сердце Эйба стучится прямо ему в ухо. Мальчик задремывает, пока они спускаются от Хлебовозки, в которой живут, по мерзлой земле Эрзац-Аркадии. Грузовики, автобусы и навесы чернеют на фоне ночного неба, их пристанища, пока они не достроят когда-нибудь в смутном будущем свой Аркадия-дом.

Гонг сзывает их на воскресное утреннее собрание, куда-то. Народ струйками стекается в темноте. Доносится запах хлеба, который испекла мать. Ветер несет холод от Великого озера, что лежит севернее от них. Слышно, как шуршит, просыпаясь, лес. В воздухе возбуждение и тихие, ласковые приветствия; легкий снежок, дымок чьей-то затяжки, женские неразличимые голоса.

Когда Крох снова размыкает глаза, мир вокруг уже умягчен рассветом. Вихры стожков торчат над утоптаным снегом. Они на Овечьем лугу, и людские тела вокруг все ближе, собираются в толпу. Голос Хэнди за спиной Кроха доносится до всей Аркадии, до семи дюжин истинно верующих в зимнее утро. Крох выворачивается, чтобы глянуть на Хэнди, сидящего у самого леса среди темно-бордовых завитков ранней скуссо-

вой капусты, а потом разворачивается назад, прижимается щекой к пульсирующей шее отца.

Крох — крошечный, не мальчик, а мошка. Его часто подхватывают на руки и несут. Он не против. Под покровом надежной силы взрослых ты невидим. Можно наблюдать, что происходит вокруг, и слушать.

За плечом Эйба, далеко на вершине холма, маячит кирпичная тень Аркадия-дома. На ветру брезент над прогнувшейся крышей прижимается к ребрам-балкам, раздувается, как брюхо зверя, которому тяжело дышать. Наполовину застекленные окна — это открытые рты, застекленные полностью — глаза, уставившиеся на Кроха. Он отводит взгляд. Позади Эйба в инвалидном кресле сидит старик, отец Мидж, мастак скатиться с холма, распуская играющих на склоне детей. Кроха снова накрывает испуг. Ощущение угрозы и скрип, вспышка беззубого рта и флаг с серпом и молотом, реющий, проносясь мимо. “Прыткий Старпёр”, зовет старика Ханна и кривит губы. “Сионист”, кличут его другие, потому что это то, что он выкрикивает после заката: Сион, молоко и мед, земля изобилия, место отдохновения для его народа. Однажды вечером, наслушавшись его воплей, Крох сказал: Разве этот Старпёр не знает, где он сейчас? Эйб, озадаченно глянув на Кроха, который возился со своими деревянными кубиками, спросил: И где же? — и Крох ответил: В Аркадии, вот где, — вкладывая в слово “Аркадия” то, что вкладывал в него круглоликий, как Будда, Хэнди, когда гладкими фразами настраивал сообщество так, чтобы и другие смогли узреть перед собой поля, изобильные плодами и злаками, солнечным светом и музыкой, заботливым людом, любовью.

Но в это холодное утро Прыткий Старпёр уж слишком мал и скукожен, чтобы его бояться. Он дрем-

лет под клетчатым одеялом, которым укрыла его Мидж. На нем охотничья шапка с опущенными ушами. Он посвистывает носом, из носа вырывается пар, и Крох думает о чайнике на плите. Голос Хэнди омывает его: *... в работе, как и в удовольствиях, разнообразие, надо думать, является задумкой природы...* — слова эти слишком весомы, неподъемны для мягких ног утра. По мере того как рассвет обостряет все очертания, Прыткий Старпёр вырисовывается все лучше. Нос его в сетке сосудов, тени прорезают лицо. Он просыпается, хмуро смотрит на Кроха, возится со своими руками, получше устраивая их на коленях.

...Бог, говорит Хэнди, это негасимая искра, что хранится в каждом человеческом сердце, в каждом комочке земли. В этом камешке, в этой льдинке, в этом растении, в этой птице. Все заслуживает нашей доброты.

Лицо старика меняется. Удивление крадется по его дряхлым, заиндевелым чертам. Пораженный Крох не может от него оторваться. Глаза, моргнув, раскрываются и замирают. Крох ждет, когда утесистый нос испустит следующее облачко пара. Этого не происходит, и в груди Кроха что-то смыкается в комок. Он поднимает голову с плеча Эйба. Вокруг губ старика медленно разливается пурпур; глазные яблоки заволакивает туманом и льдом. В его тело прокрадывается тишь.

Позади Кроха Хэнди рассказывает о музыкальном туре, в который он отправится через несколько дней, чтобы разнести по свету весть об Аркадии. *...меня не будет тут с пару месяцев, но я верю в вас, Свободные Люди. Я ваш гуру, ваш Учитель, но не ваш Лидер. Потому что, когда у вас хороший Учитель, вы сами себе Лидеры...* и люди вокруг Кроха посмеиваются, и где-то попискивает малышка Пух, и рука Ханни появляется

сбоку, чтобы поправить шапку на Крохе, которая наполовину сползла, так что одно ухо у него замерзло.

Хэнди говорит: *Помните об основах нашего сообщества. Давайте произнесем их все вместе.* Раздаются голоса: *Равенство, Любовь, Труд, Отзывчивость к Потребностям Каждого.*

Вскипает песня. *Споем песню, полную веры, которой научило нас темное прошлое,* поют они. Эйб под Крохом притаптывает в ритм. *Споем песню, полную надежды, которую принесло нам настоящее; встретим солнце нашего нового дня...* так песня заканчивается.

Тишина. Вдох. От великого Ом, вознесшегося над собранием Свободных Людей, взлетают с крыши Аркадия-дома испуганные вороны. Над всеми ними расцветает восход.

Он прекрасен так безупречно, что красив даже старик, его борода синее под новообретенным сиянием щек, очертания челюсти мягкие, пучки волос в ушах тронуты золотом. Он облагорожен живым светом. Исправлен.

Последний голос замолк, и как раз перед тем, как Хэнди сказал: *Спасибо, друзья мои,* Мидж кладет руку на плечо отца. Затем стягивает перчатку, прижимает голую ладонь к щеке старика. И в то время как аркадцы ходят туда-сюда, братаются, обнимаются, обмениваются позитивной энергией, голос Мидж прорывается сквозь общий шум. Отец? — тихонько зовет она. И еще, громче: Отец?

И не в скорости дело, с которой Ханна хватает Кроха и несет домой в Хлебовозку, и не в том, что Эйб не идет с ними, а остается, чтобы помочь Мидж.

И не в особом лакомстве, добавке сушеной черники в кашу, и не в Ханне, которая молча стоит у окна и дует на свой зеленый чай. И даже не в том, что говорит Эйб, когда входит: Кармическая энергия соединилась с эфиром, или: Это естественный цикл жизни, или: Все умирают, Ридли, милый. Эйб очень старается объяснить, но Крох так и не понимает. Он видел, как старик стал красивым. Его изумляют озабоченные лица родителей.

Печаль, которую они испытывают, начинает проявляться только тогда, когда Ханна после завтрака роняет грязные тарелки на стол и разражается слезами. Она бежит через Двор к Розовому Дударю, искать утешения у повитух Астрид и Мэрилин.

Эйб натянуто улыбается. Все в порядке, малыш Крох, с твоей мамой, говорит он. Просто то, что случилось сегодня утром, задело ее за живое, потому что и у ее папы дела сейчас не ахти.

Тут Крох чувствует, что сказанное отдает серой лжи. Началось не сегодня, Ханна уже какое-то время сама не своя. Крох позволяет неправде развеяться и унести прочь.

Папа Ханны, который живет в Луисвилле? — спрашивает он. Осенью дедушка с бабушкой приезжали, толстый дядька в шляпе пирожком, с плоской тульей и загнутыми краями, и беспокойная пыхтящая тетя, вся в розовом. Кроха потискали и оценили: Такой крошечный, пропыхтела тетя, ему и трех-то не дашь, не то что пяти! Они всё поглядывали на него искоса, и Ханна сказала, сдерживаясь изо всех сил: О боже, мама, он не отсталый, с ним все в порядке, он просто маленький очень. Потом ели, и розовая тетя к еде не притронулась, а то и дело подносила к глазам платок. Потом все рассорились, и жирный с пыхтелкой уехали.

На то, как они уезжают, Ханна смотрела, сверкая злыми слезами. Да сгниют они в своем буржуазном капиталистском аду, сказала она. Эйб ответил ей что-то, посмеиваясь, и чуть спустя ожесточение сошло у нее с лица, и, хоть и нехотя, она рассмеялась тоже.

И сейчас Эйб ему ответил: Да, твой луисвилльский дед. Он очень болен. Твоя бабушка хочет, чтобы мама приехала к ним, но Ханна не поедет. Как ни верти, нам никак без нее не справиться.

Из-за Секрета, да? — говорит Крох. Уже с месяц все шепчутся про Секрет, с тех самых пор, как Хэнди объявил, что отправится в музыкальное турне. Пока Хэнди не будет, они достроят Аркадия-дом, чтобы все переехали туда из Эрзац-Аркадии, этого скопища автобусов, ангаров и навесов, и наконец смогли жить вместе. Они готовились к этому целых три года, с тех пор как купили землю и нашли дом, только голод и тяжелая работа мешали. Аркадия-дом станет подарком Хэнди, когда тот вернется.

Эйб прищуривается и, двинув губами, показывает в рыжей бороде крепкие зубы. Что ж это за секрет, если даже малышня его знает.

Они играют в карты, в “рыбка, пльви”, и ждут Ханну. Та приходит зареванная, но уже поспокойней, и рассказывает, что Астрид и Мэрилин вызвали принимать роды в соседнее поселение, к амишам*. Вместо приветствия Ханна вжимает щеку в изгиб шеи Эйба, а Кроха нежно целует в лоб. Как вздох дыханием, жизнь становится жизнью. Ханна принимается за

* Амиши — самое консервативное направление в меннонитстве (разновидности анабаптизма), возникшее в 1693 г. в Эльзасе. Отличается простотой жизни и нежеланием принимать современные технологии и удобства (*Здесь и далее прим. пер.*).